

Предупреждение
Читателю
(К первому изданию 1665 г.)

Вот портрет человеческого сердца, который я предлагаю читателю под титлом «Размышления или моральные максимы». Он рискует приглянуться не всем, ибо в нем, может статься, найдут много сходства и мало лести. Похоже, что живописец не имел намерения выставлять свое творение, и оно по сей день оставалось бы запер-

тым в кабинете, когда бы по рукам не ходил его дурной список, некоторое время назад добравшийся до Голландии, что и побудило одного из друзей автора снабдить меня другим, по его словам, полностью отвечающим оригиналу; но сколь ни был он точен, вряд ли ему удастся избежать порицаний иных персон, не терпящих, чтобы кто-то вникал в глубь их сердец, и почитающих себя вправе препятствовать знанию других, ибо в них нет желания познать самих себя. Что говорить, в этих «Максимах» содержатся такие истины, свыкнуться с которыми человеческой гордыне весьма трудно, и почти не может быть, чтобы она против них не восстала или чтобы они не навлекли на себя осуждение недовольных. Для последних я помещаю здесь письмо, мне дан-

ное; оно писано после появления рукописи, когда каждый хотел высказать свое мнение по ее поводу. Мне кажется, оно достаточно отвечает на основные возражения, вызываемые «Размышлениями», и разъясняет взгляды их автора. Кроме того, из него видно, что их содержание — сжатое изложение морали, согласной с мнением многих отцов церкви, а посему автор имел все основания полагать, что невозможно сбиться с пути, идя вслед таким поводырям, и что нельзя ему воспретить рассуждать о человеке так же, как рассуждали они. Но если почтение к ним не станет преградой для недовольства критиков, если их не смутит, что, осуждая эту книгу, они осудят мнение сих великих мужей, то я прошу читателя не следовать их примеру, не давать первому

порыву сердца увлечь за собой дух и, насколько возможно, не позволять себялюбия влиять на его суждение; ведь если он станет сверяться с этим чувством, от него трудно ждать благосклонности к «Максима́м»: поскольку себялюбие там представлено развратителем разума, оно не преминет восстановить его против них. Но следует иметь в виду, что подобное предубеждение — лишь доказательство их правоты, и убедить себя, что более всего об истинности «Размышлений» свидетельствует горячность и казуистика их противников. Действительно, любому здравомыслящему человеку трудно будет поверить, что их гонители имеют какие-либо резоны, помимо тайной заинтересованности, гордыни и себялюбия. Одним словом, читателю хорошо

бы внушить себе, что ни одна из максим к нему не относится, и, хоть может показаться, что они содержат все общие истины, он — единственное из них исключение; поручусь, что тогда он первый будет готов под ними подписаться и посчитает, что они не так уж суровы к человеческому сердцу. Вот все, что я имею сказать об этом сочинении в целом. Что касается того, как оно могло быть организовано, то было бы желательно, чтобы перед каждой максимой был обозначен ее предмет и чтобы они располагались в большем порядке; но для этого бы пришлось все переставить в данном мне списке; а так как многие максимы посвящены одной материи, то я поступил так, как мне советовали, и составил указатель, чтобы было удобней их отыскать.

*Зачастую наши добродетели —
не более чем замаскированные пороки.*

1

Нередко то, что мы принимаем за добродетели, есть совокупность различных действий и интересов, сведенных вместе фортуной или нашей собственной предпримчивостью: случается, что не целомудрие делает женщин целомудренными и не доблесть придает мужчинам доблести.

2

Нет более великого льстеца, чем себялюбие.

3

Несмотря на все открытия в краю себялюбия, там остается немало неизведанных земель.

4

Себялюбие расторопней самых расторопных в мире.

5

Продолжительность наших страстей зависит от нас не более, чем продолжительность нашего существования.

6

Страсть часто делает человека бойкого дураком, а самых глупых — бойкими.

7

Эти великие и славные деяния, ослепительные подвиги, которые политики изображают следствием великих замыслов, обыкновенно зависят от свойств характера и страстей. Так, война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым стремлением к господству над миром, была, возможно, одним из проявлений ревности.

8

Страсти — единственные ораторы, которым дано всегда убеждать: в них есть некое природное мастерство, чьи законы безупречны. Поэтому человек неискушенный, но страстный, убеждает лучше равнодушного краснбая.

9

Страсти несправедливы и небескорыстны, поэтому следовать им опасно и опасаться их следует даже тогда, когда они кажутся умеренными.

10

Человеческое сердце беспрестанно порождает страсти, так что падение одной — почти всегда возвышение другой.

11

Нередко страсти порождают собственную противоположность: скупость может привести к расточительности, а расточительность — к скупости; люди проявляют стойкость по слабости и отвагу из трусости.

12

Как ни упрятывай страсти за внешним благочестием и добродетельностью, их неизменно видно сквозь завесу.

13

Для нашего самолюбия куда несносней осуждение наших вкусов, нежели убеждений.

14

Людам не только свойственно забывать благодеяния и обиды, они ненавидят тех, кому обязаны, и не держат зла на обидчиков. Воздать за добро и отомстить за зло кажется им кабалой, с которой трудно смириться.

15

Милосердие государей — часто всего лишь умелый способ снискать народную любовь.

16

Милосердие было возведено в добродетель, однако порой оно вызвано тщеславием, иногда ленью, часто страхом и почти всегда и тем, и другим, и третьим.

17

Умеренность счастливых кроется в спокойном расположении духа, которое приносит удача.

18

Умеренность — страх зависти или презрения, которые становятся уделом тех, кто опьянен удачей; или суетное желание покрасоваться силой духа; а в людях, высоко вознесшихся, — желание казаться выше собственного успеха.

19

Нам всем хватает сил, чтобы выносить чужие несчастья.

20

Невозмутимость мудрых — не более чем умение замыкать волнения в сердце.

21

Осужденные на казнь порой остаются невозмутимы и выказывают презрение к смерти, однако это — свидетельство страха посмотреть ей прямо в лицо. Можно сказать, что для их духа эта невозмутимость и презрение — то же, что повязка для глаз.

22

Философия без труда берет верх над бедами минувшими и грядущими, но горести нынешние побеждают философию.